

УДК 394.014
EDN KEBMVI
doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-34-44

Малых Ольга Владимировна,
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
malykh-olga@yandex.ru
SPIN-код: 6033-3196

Манторова Анна Владимировна,
кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
aniel.tinuviel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2545-0062
SPIN-код: 8873-1106

ОБРАЗЫ ПЕРМИ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

В данной статье рассматривается эмоциональный образ г. Перми. Авторы ставят себе целью исследовать, как соотносится эмоциональный образ города, сложившийся в путевых очерках проезжавших через Пермь писателей, общественных и политических деятелей XIX – начала XX в., и образ, сформулированный современными представителями местной интеллигенции. В первом случае были изучены путевые очерки и дорожные дневники сборника «По Каме и Уралу» (сост. Д.А. Красноперов), во втором – проведены двадцать фокусированных интервью в 2024–2025 гг. (метод Р. Мертона). В ходе интервью респондентов просят описать личное визуальное восприятие города и сформулировать его специфику, что позволяет выявить некоторую эмоциональную проекцию. На основании интерпретационного анализа и полученных нарративов в статье формируется и обосновывается гипотеза следующего содержания: образ Перми, конструируемый местными жителями, имеет значительное количество смысловых пересечений с тем образом, что формируется людьми, его посещающими, причем они (пересечения) актуальны на протяжении последних двух веков. Так, лейтмотивом эмоциональных образов обеих групп оказалось ощущение пустоты, подкрепляемое специфической пространственной организацией города и вызывающее разочарование. Это свидетельствует о том, что в эмоциональном мире пермяков обнаруживается рецепция колониального сознания, свойственного столичным жителям.

Ключевые слова: город, Пермь, образ города, эмоциональный мир горожан, литературные нарративы XIX века, метод фокусированного интервью.

Ссылка для цитирования: Малых О.В., Манторова А.В. Образы Перми в путевых очерках и восприятии горожан // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 34–44. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-34-44>. EDN KEBMVI

Olga V. Malykh,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies;
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
malykh-olga@yandex.ru
SPIN-code: 6033-3196

Anna V. Mantorova,
PhD in Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies;
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
aniel.tinuviel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2545-0062
SPIN-code: 8873-1106

IMAGES OF PERM IN TRAVEL SKETCHES AND PERCEPTIONS OF CITIZENS

This article considers the emotional image of Perm. The authors aim to investigate the correlation between the emotional image of the city formed in the travel sketches of writers, public and political figures passing through Perm in the 19th – early 20th centuries and the image formulated by contemporary representatives of local intelligentsia. In the first case the authors of the article studied travel sketches and travel diaries from the collection “On the Kama and the Urals” (compiled by D.A. Krasnopyorov), in the second case the authors conducted twenty focused interviews in 2024-25 (R. Merton’s method). During the interviews the respondents are asked to describe their personal visual perception of the city and formulate its specifics, which allows to reveal some emotional projection. Based on the interpretative analysis and the obtained narratives, the article forms and substantiates the following hypothesis: the image of Perm constructed by local residents has a significant number of semantic overlaps with the image formed by people visiting it, and they (the overlaps) have been relevant for the last two centuries. Thus, the leitmotif of the emotional images of both groups was the feeling of emptiness, supported by the specific spatial organization of the city and causing disappointment. This indicates that the emotional world of the Permians reveals the reception of the colonial consciousness typical of the capital residents.

Keywords: city, Perm, image of the city, emotional world of citizens, literary narratives of the 19th century, focused interview method.

For citation: Malykh O.V, Mantorova A.V. [Images of Perm in travel sketches and perceptions of citizens]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 34–44 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-34-44>, EDN KEBMVI

Введение

«Всякий, кого fortuna adversa заставит провести в Перми несколько дней, обыкновенно не знает, как убить время, и скучает, как на поминках. Нечего смотреть, некуда деваться...» [12, с. 160]. Подобная характеристика родного города едва ли вызовет у современного жителя Перми негативные эмоции: она вышла из-под пера Д.Н. Мамина-Сибиряка в 1888 г., когда Пермь еще имела довольно приблизительное сходство с нынешней версией себя. Но как пока-

зыает исследование, проведенное О.В. Лысенко в 2016 г., сто с лишним лет спустя образ города пишется теми же красками: «Не случайно Борис Мильграм, много лет проживший в Москве и вернувшийся в Пермь в 2004 году, чтобы возглавить драматический театр, вспоминает город, который он застал, как “закрытое пространство”, где “ничего не происходит”» [7]. Подобная характеристика на первый взгляд выглядит предвзятой по причине того, что Б. Мильграм является одним из идеологов Пермского культурного проекта, направленного на преодоление указанного «запустения» и намерения сделать Пермь культурной столицей Европы. Однако материалы интервью, проведенные О.В. Лысенко в экспертном сообществе, демонстрируют существование аналогичного лейтмотива и в среде «наблюдателей», подчеркивающих, что даже после завершения проекта «осталась мертвая земля» [7]. Таким образом, перед нами разворачивается некая эмоциональная ретроспектива, проведенная через две контекстуальные точки, одна из которых фиксирует художественную (литературную) традицию, другая – исследовательскую. Это позволяет определить цель исследования: реконструировать эмоциональный мир жителей Перми в их отношении к предшествующей литературной традиции.

Методы

Здесь стоит отметить, что в дальнейшей попытке проследить, действительно ли образ г. Перми имеет достаточно определенную эмоциональную окраску, мы сознательно ограничиваемся анализом визуального восприятия города и ощущения его внутренней атмосферы. С целью воссоздания более целостной картины анализируется как составляющая внешнего восприятия (взгляд Другого, т. е. в данном контексте человека приезжего), так и внутреннего (взгляд местного жителя). В качестве эмпирического материала используются путевые очерки проезжавших через Пермь писателей, общественных и политических деятелей, а также интервью с современными представителями местной интеллигенции, из которых были отобраны наиболее содержательные и эмоционально окрашенные. Во втором случае применялся метод качественного интервью, поскольку «качественные исследования чувствительны к человеческой ситуации, они предполагают эмпатический диалог с исследуемыми людьми и могут вносить свой вклад в их освобождение и усиление» [5, с. 76]. Из существующих разновидностей качественного интервью было выбрано фокусированное, поскольку оно предполагает предварительное исследование, составление гайда и возможность выявить, на каких именно составляющих более всего сосредотачивается внимание респондентов [9]. Среди отобранных информантов были следующие: архитектор, член Союза художников, организатор культурных проектов, менеджер в сфере культуры, сотрудник вуза (доцент), сотрудник вуза (кандидат наук), дизайнер, солист Пермского театра оперы и балета, сотрудник вуза (кандидат наук).

Прежде чем перейти к непосредственной деконструкции эмоционального образа города, необходимо определиться также с основной дефиницией. Как справедливо заметил В.Л. Глазычев, «лишь географы точно знают», что такое город, и, как следствие, для всех остальных «город – это икс» [1]. Данная позиция позволяет самостоятельно определить границы этой неизвестной, поместив ее в необходимый нам контекст. Таким образом, с одной стороны, «икс» вполне может представлять собой некое впечатление от города, выявляемое из разноплановых текстов, формирующее его эмоциональную проекцию. С другой стороны, фокусирование на городе как на впечатлении позволяет подключить также тезис В.Л. Глазычева о том, что «город – это система кулис» [там же]. Город, представленный в качестве подобной системы, по мнению В.Л. Глазычева, дает возможность «смотреть разнообразно, богато, любопытно», что определяет визуальное восприятие как основополагающий инструмент данного исследования [там же].

Результаты

В своей статье «Город на все времена» В.Л. Глазычев выделяет, помимо «города», такие его вариации, как «предгород», «недогород» и «негород». Данная классификация представляет нам возможность выявить более определенное содержание, которое стоит за словом «город» в случае Перми, а также предпосылки формирования эмоционального образа. Несмотря на тот факт, что сам В.Л. Глазычев не считает эту систематизацию научной, в нашем случае взгляд человека, который является профессионалом высокого уровня именно в области визуального восприятия, особенно актуален.

Ключевыми признаками города, по В.Л. Глазычеву, являются, во-первых, «наличие свободного пространства, не занятого застройкой», во-вторых, – «постоянное наличие значительного количества людей, не занятых в данный момент производительной деятельностью» [там же]. Что касается пустого публичного пространства, не находящегося в частной собственности, в Перми эту роль выполняет эспланада, занимая весьма значительную площадь (между зданием Законодательного собрания и Пермским академическим Театром-Театром). Ранее эта территория являлась долиной малой реки Пермянки и лишь в начале 1960-х гг. была выделена под строительство жилых домов, однако по инициативе архитектора Г. Игошина оставлена незастроенной [4]. Таким образом, если следовать логике В.Л. Глазычева, Пермь начинает формироваться как город лишь с середины XX в. Помимо этого, если обратиться к первоначальному значению слова «эспланада» – так называли «пустое незастроенное место между крепостью и городом», – можно в качестве дополнения выявить еще одну практику конструирования образа – языковую [11, с. 758]. Интересен и тот факт, что Д.Н. Мамин-Сибиряк в своих воспоминаниях, напротив, настойчиво противопоставляет Пермь и город с крепостью как своеобразный идеальный тип: «...Вид на Пермь с парохода очень красив, хотя город и скрыт за горой. Опять так и режет глаз административная затея – неизвестно для чего вывести город на гору; такие постройки имели смысл и значение для старинных боевых городов, поневоле забиравшихся на высокое усторожливое местечко, а Пермь залезла на гору без всякой уважительной причины» [12, с. 164]. Таким образом, в процессе формирования данного населенного пункта прослеживается достаточно амбициозное желание укрепить статус города, несмотря на то что выбор расположения и языковые практики именования в качестве его формы очевидно противоречат содержанию.

Что касается людей, не занятых производственной деятельностью, их присутствие в городском пространстве неоспоримо, что подтверждается словами респондентов: «...ну в центре, конечно, всегда многолюдно, пестро, вне зависимости от времени суток. Но чем дальше от центра, тем больше эта пестрота рассеивается»; «фланирующих по центру города много, иногда даже кажется, что это одни и те же не обремененные работой персонажи. Это причем такая неоднородная картина: я как-то ездил днем в сторону Чкалова, там разве что мертвые с косами не стоят» (Инт. 2., Инт. 5). В приведенных цитатах респонденты четко обозначают территорию фланирования этих людей, подчеркивая, что она ограничивается центральной частью города. С одной стороны, это характерно «урбанистическая модель поведения», о чем пишет О.Л. Лейбович в статье «“Индивид глазеющий” в пространстве постсоветского города», однако нельзя не отметить, что моменту противопоставления центра и «антицентра» уделяется особое внимание [6, с. 44].

Таким образом, Пермь определенно нельзя назвать «предгородом», поскольку последнему характерно полное отсутствие вышеизложенных качеств. Исключить можно также и «негород» («сверхгород»), поскольку возможность в нем единого сообщества значительно превышена, а «любые социальные группы распадаются на подгруппы, которые никогда не встречаются», что характерно, например, для Москвы [1].

«Недогородом», на первый взгляд, Пермь также не является, поскольку ей свойственна сложность и многообразие городского сообщества, однако как в путевых очерках, так и в интервью проявляется лейтмотив противопоставления внешнего вида центра города и остальной его части, несмотря на разделяющий данные тексты временной разрыв: «...вообще весь центр города не только не уступит другим губернским городам, но превзойдет многие из них. Сходишь с главных трех улиц чуть-чуть в сторону и сразу из Перми-губернского города попадаешь в Пермь-деревню и положительно задыхаешься в пыли, так как мостовыми покрыты в Перми только три улицы и полтора переулка; все остальные улицы и переулки находятся почти в первобытном состоянии»; «Центральная часть города имеет очень плотную застройку, а чуть дальше уйдешь – неухоженные пустыри. Многие районы в принципе на большом удалении от центра находятся и существуют достаточно автономно»; «Центр у нас, конечно, хороши – не без помощи прошедшего юбилея (прим.: в 2023 г. Пермь отпраздновала 300-летие, в связи с чем был проведен ряд работ по благоустройству и реконструкции). Но на общем полотне города это такая "потемкинская деревня"» [12, с. 128]; (Инт. 3; Инт. 9). Резюмируя, можно сказать, что визуальный образ Перми представляет собой сочетание «города» и «недогорода» или, если выражаться характеристиками респондентов, «города» и «деревни».

Г. Зиммель в своей работе «Большие города и духовная жизнь» говорит о том, что психологическая атмосфера большого города, ввиду чрезмерно быстрого темпа жизни, постоянно сменяющих друг друга впечатлений и «многообразия хозяйственной, профессиональной и общественной жизни» формирует определенный «фундамент душевной жизни» [3, с. 2]. Особенno ощутима данная атмосфера на контрасте с атмосферой деревни, где динамика всех составляющих повседневности сглажена неспешным и относительно расслабленным ритмом, что сказывается, в первую очередь, на затратах сознания.

Обратившись к дорожным дневникам, можно заметить, что в XIX в. Пермь по своей внутренней динамике была больше похожа на деревню (причем ситуация с течением времени не меняется, хотя часть воспоминаний датируется 1842 г., а часть – 1889 г.): «Пермь – городок порядочный, но безжизнен»; «Пермь тиха, безмятежна <...> Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай Господи поскорее»; «...город большой недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и безлюдье невыносимые»; «Вообще Пермь, после шумного Нижнегородского, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом. То же подтверждают и здешние жители. <...> Затишье!...»; «Самый бойкий сезон в Перми летом, во время навигации, и что же – город скучает, как параличный»; «...и мы приезжаем в солнную Пермь. Да, солнную; другого эпитета не подберешь. Какой это характерный тип далекого губернского захолустья, этот город!»; «спокойные улицы <...> скрадывают всякий шум и шепот <...> молчаливо и безмолвно стоят дома; в открытые окна видно то же безмолвие» [12, с. 82; с. 99; с. 105; с. 160; с. 220; с. 221]. Однако стоит обратить особое внимание на тот факт, что, описывая Пермь как место, где отсутствует суeta и сутолока большого города, авторы делают акцент на характере этого спокойствия, совершенно не похожего на другие: «Утром мы еще более изумились пустоте города Перми»; «...с первого взгляда Пермь представляется городом обширным; но как скоро вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенно-пустоту»; «...и полная тишина кругом... Мертвичина да и только! <...> Пожалуй, что уж тут дурного? Тихо, уютно и спокойно! Нет гвалта, не чувствуешь себя на юре?! <...> О, не говорите! Живо припоминается мне другой далекий город, который я видел так же мельком – и какая разница! Этот город – Мюнхен. Вот уж где, действительно, тепло, уютно и привольно!» [12, с. 22; с. 77; с. 221]. При том, что отсутствие чрезмерной оживленности как неотъем-

лемого атрибута большого города обычно не воспринимается как недостаток, авторами здесь подчеркивается полное отсутствие жизни, не связанное с чувством умиротворения, способного возникать в подобных городах. Особенно интересны цитаты В.А. Поссе и Д.Н. Мамина-Сибиряка: «...я встретил конный конвой, но эта процесия так же мало оживляла улицы, как и почтовая карета, с грохотом проехавшая в сопровождении стражников»; «Искусственное оживление произведено железной дорогой, и всякая новая комбинация в этом направлении бесповоротно убьет Пермь» [12, с. 244; с. 160]. Атмосфера погруженного в сон города здесь настолько органична и естественна, что любые инструменты «оживления» представляются враждебными и разрушительными, даже если являются признаками технического прогресса и усложнения городской структуры. Удачно вписывается в этот контекст и замечание наркома просвещения А.В. Луначарского, сделанного значительно позднее в хирургической клинике Перми: «Я бы здесь поболел» [8]. Несмотря на тот факт, что высказывание связано с конкретным медицинским учреждением, оно очень созвучно атмосфере отсутствия движения, городу, который словно стоит «на паузе».

Замедленность, так активно отмечаемая авторами, проявляется в том числе и в самом процессе развития города из менее представительного населенного пункта: ««Это было не царство, как Казань и Астрахань, не княжеский удельный город, даже не слобода, которая, распространяясь заставила посадить в себя воеводу; это было пустое место, которому лет за двадцать перед тем велено быть губернским городом, и оно послушалось, но только медленно» [12, с. 22].

Анализируя ответы современных жителей Перми, можно выявить заметную эмоциональную параллель, а также подтверждение того, что та самая медлительность развития, о которой было сказано выше, имела место: «...у нас вообще очень много таких совершиенно мертвых пустырей»; «...в городе на удивление все очень замедленно. Нет вот этого ощущения, как в Москве или даже в Екатеринбурге, где все куда-то бегут и все очень заняты»; «Пермь очень спокойная. Здесь время как-то по-другому движется» (Инт. 3; Инт. 5; Инт. 10). Таким образом, если опираться на тезис Г. Зиммеля, Пермь по шкале психологических условий и повседневного уровня впечатлений находится ближе к деревне, чем к большому городу, причем это было свойственно ей как в конце XIX в., так и в настоящее время. Кроме того, прослеживается и достаточно четкий образ пустоты, некоего места, приготовленного для чего-то – действия или объекта, – однако так и застывшего в своей незавершенности.

Помимо составляющей, связанной с повышенной нервностью жизни, Г. Зиммель также отмечает, что большим городам больше свойственна рассудочность, тогда как малый город отличается чувственностью, проявлением души. Он указывает, что это связано с существованием в больших городах центров денежного хозяйства и, как следствие, преобладанию деловых отношений. «Нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие» [3, с. 5]. Поскольку предыдущий аспект, отличающий большой город, применительно к Перми оказался недостаточно актуальным, мы также обращали внимание на то, как авторы и респонденты характеризовали взаимоотношения в контексте города.

П.И. Мельников-Печерский, побывав в Перми в 1842 г., писал: «...я заметил, что жители ее более, нежели жители прочей России, сохранили в себе русского духа. Они гостеприимны, радушны» [12, с. 39]. Чуть меньше двух веков спустя мы встречаем тот же образ в описании жителями самих себя: «...мне кажется, пермяки очень отличаются доброжелательностью. Да, конечно, как и все жители российских городов мы можем быть мрачными. У Горлановой даже было "В Перми люди едут на работу с такими лицами, словно уже от-

пахали". Но мы очень эмпатичные и добродушные» (Инт. 3). Кроме того, самым популярным высказыванием, дословно цитируемым большинством респондентов, оказалась фраза: «Пермь – это большая деревня» (Инт. 2; 5; 7; 9; 15; 19; 20). Подобное точное воспроизведение свидетельствует о том, что это устойчивое выражение, сложившееся в данной культурной среде и являющееся неотъемлемой частью образа города. Это уже второй случай выявленных нами практик именования, позволяющих проследить значимые смыслы. В данном случае интересен тот факт, что в первом случае – с эспланадой – мы видим позицию, для которой крайне важно позиционирование Перми как большого города. В другом случае коллективного самопроектирования со стороны обычных жителей прослеживается тенденция, не лишенная самоиронии: «...можно сколько угодно гордиться, что Пермь – город-миллионник, но при этом в соцсетях кого-нибудь добавишь – у тебя с ним, оказывается, 50 общих друзей. Мне каждый раз кажется, что вот это был последний незнакомый человек»; «у нас ведь все друг друга знают. Очень легко стать широко известным в узких кругах»; «...по улице идешь – обязательно кучу знакомых встретишь. Самое любопытное, что и незнакомых знакомых тоже: я даже если лично не знаком, внешне как будто весь город знаю. Первый парень на деревне, а в деревне два двора» (Инт. 9; Инт. 15; Инт. 20).

Таким образом, можно сделать вывод, что Пермь является сложным сопряжением большого города и деревни, которое проявляется не только в территориальном диссонансе плотного развитого центра и весьма обширных, словно вымерших, районов, но и в превалировании душевных и эмоциональных взаимосвязей над сухими деловыми отношениями, несмотря на тот факт, что в городе с миллионным населением это невозможно. В этом контексте крайне интересно замечание одного из респондентов: «...в таком протяженном городе большинству людей приходится полтора-два часа проводить в общественном транспорте, потому что живут они в отдаленном тихом районе, а на работу ездят в центр. И это только в одну сторону! Ты как будто из одного мира едешь в другой» (Инт. 7). В этом высказывании чувствуется явное противопоставление: люди словно ездят в «большой город» на работу, а потом возвращаются в свою «деревню», однако в случае Перми ситуация разворачивается внутри одного города. Все это свидетельствует о том, что местные жители активно участвуют в конструировании эмоционального образа города.

После того, как мы определили черты образа Перми (город, под которым скрывается «большая деревня»), перейдем к более детальному рассмотрению его визуальной составляющей. Практически любое описание Перми, будь это путевой очерк или интервью, начинается с упоминания реки Камы: «Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в нее из Волги – это ее ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет еще более ее ширину, а быстрое течение, полное отсутствия мелей делает реку особенно плавною. <...> Местами река делает такие глубокие заливы, такие причудливые размахи, что, кажется, точно плывешь среди озера. В этой массе воды, безраздельно повсюду царящей, есть что-то величественное» [12, с. 211; 213]. Даже М.М. Сперанский, отбывавший в Перми ссылку с 1812 по 1814 г., и описывающий свое пребывание здесь как «из всех горестных моих приключений <...> самое горестное», жалел, что не может «с собою увезти в кармане Каму» [8]. Ф.Ф. Вигель, описывающий Пермь в сравнении с Екатеринбургом как «мальчика», тем не менее, писал: «Но что она (Вятка. – А.М.) в сравнении с Камой, с этим образчиком рек зауральских! Всем она взяла сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в нее впадает» [12, с. 22]. В воспоминаниях Е.Ф. Шмурло можно отметить уже хорошо знакомые нам характерные эпитеты: «Это мощный титан, спокойный в сознании собственного величия»; «Здесь нет места

ни изяществу, ни улыбке, ни красе; эта декорация не гармонировала бы с основным характером картины, а только опошили бы ее. <...> пустынный размах водяного царя» [12, с. 214; 215]. Вполне возможно, что отсутствие суеты и всепоглощающее спокойствие Пермь переняла от Камы, и именно образ реки становится фундаментом формирования образа города.

Для местных жителей Кама является особым предметом гордости, что отражено в достаточно конкретных ассоциациях с морем: «рядом с городом настолько могучая река, что он вполне может называться приморским»; «...Камское море опять же» (Инт. 15; Инт. 20). Наиболее ярким и смыслообразующим оказалось более метафоричное высказывание: «Кама – она как рамочка. Иногда картину необходимо поместить в дорогую раму. Не в том смысле, что картина плоха. Просто пока пустовата» (Инт. 3). Помимо того, что наблюдается единство восприятия Камы как ключевой достопримечательности и визуальной доминанты с точки зрения и гостей, и жителей, здесь вновь прослеживается лейтмотив пустоты и незавершенности города.

Особенно говорящим в высказывании Е.Ф. Шмурло является слово «декорация», если вернуться к идеи В.Л. Глазычева о городе как системе кулис. Любая система кулис так или иначе работает на один общий спектакль, который и формирует образ каждого города, в том числе и эмоциональный. Как показал вышеизложенный анализ, в системе кулис Перми отсутствует типичная для любого закулисия – действительного или метафорического – суeta, что уже говорит о нетипичности ситуации.

Любой спектакль направлен, в первую очередь, на зрителя, по этой причине необходимо, помимо общих характеристик, отследить самое первое впечатление людей, посетивших город. Ф.Ф. Вигель пишет: «Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почтари мы себя в поле: не было тогда города, где бы улицы были шире и дома ниже» [12, с. 22]. Для начала XIX в. ситуация достаточно объяснимая и спустя полвека особенно не меняется: «На улицах выстроены дома на довольно большом расстоянии один от другого; в переулках же (исключая только двух) – нет ни одного дома. Поэтому с первого взгляда Пермь представляется городом обширным» [12, с. 77]. Тем не менее, в одном из интервью встречаем подтверждение того, что в какой-то степени тенденция сохранилась и по сей день: «...я когда из других городов возвращаюсь, у меня всегда ощущение, что в Перми легче дышится. Здесь город не так давит со всех сторон, больше пространства» (Инт. 9).

Геометрия построения городского пространства имеет также одно значимое отличие как с точки зрения гостей, так и с точки зрения местных жителей: исключительно четкая сеть улиц. «Он выстроен правильно, можно сказать, правильнее Нью-Йорка: ровные, большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза при первом взгляде каждому приезжему и вместе с тем свидетельствуют о недавнем основании этого города» [12, с. 41]. Основной частью генерального плана города, составленного архитектором И.М. Лемом в 1784 г., является градоформирующая ось Камы, ориентируясь на которую (а не на местный рельеф) и были проложены улицы. Стоит отметить, что данная структура города служит для пермяков не меньшим предметом гордости, чем Кама: «Пермь – очень геометричный город. У нас улицы расчерчены строго под прямым углом. Как в Нью-Йорке, кстати» (Инт. 20). Однако амбициозная структурная ассоциация с Нью-Йорком, как показывает дальнейший анализ, является лишь видимостью и продолжает идею «потемкинской деревни».

«Я взглянул на Пермь: налево стояло красивое здание Александровской больницы; богатая чугунная решетка, окружавшая это здание, еще более увеличивала красоту его. Взглянув на этот дом, я подумал, что Пермь, должно быть, очень красивый город, но впоследствии

узнал, что это здание точно так же, как и здание училища детей канцелярских служителей, находящееся у Сибирской заставы, были не больше как хитрость пермских жителей, выстроивших такие дома у заставы для того, чтобы с первого взгляда поразить приезжего красотою и отвлечь внимание его от прочего строения, весьма незатейливого» [12, с. 41]. В приведенных ранее цитатах мы уже встречали упоминания о том, что Пермь особенно красива при взгляде с реки, однако дальнейшие описания тех же людей резко меняли эмоциональную окраску, в которой явно прослеживалось разочарование. П.И. Небольсин в «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул» уделяет этому контрасту особое внимание: «Что за прелестный город Пермь, когда в него въезжаешь. Во-первых – застава: это два высокие столбы, соединенные между собою чугунною цепью, под которой может пройти, не наклоняясь, сам Коллес-Родосский. На вершинах этих столбов сидит по орлу, а у подножия стоит по медведю; чрезвычайно-живописно! К заставе прилегает обширный луг, окаймленный длинным бульваром: это тоже эффектно. С противоположной стороны стоят красивые здания, стройным рядом вытянувшись в линию и рекомендующая собою прочих своих братий, размещенных внутри самого города. Богатая чугунная решетка больницы, выстроенной с большим вкусом, явно говорит о наклонности Пермитян или Пермич (автор именует так жителей Перми и не использует слово «пермяки», чтобы отличить их от коми-пермяков. – А.М.) к изящному. Первое впечатление, производимое первым шагом в Пермь, действительно возрождает надежды видеть чем дальше, тем лучшие здания. Но... Что за противоположное этому впечатление вселяет город Пермь, когда в него въедешь!» [12, с. 83].

Похожим образом описывают данную ситуацию местные жители: «*Какой-то четкой организованной структуры застройки города дальше центра нет. Видно, что город рос и развивался постепенно. Но с железнодорожного вокзала открывается совсем другая картина: мы почти сразу попадаем на главную улицу города, являющуюся визитной карточкой Перми, ее туристическим центром. Фасады домов здесь в хорошем состоянии, хорошо освещены улицы, присутствует архитектурная подсветка значимых знаний. Все ярко и красиво*» (Инт. 19). Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем ту же картину: вид, открывающийся из двух ключевых точек прибытия в Пермь – порт и вокзал, – также работает на образ «декорации», в большей степени ориентирующийся на Другого, (здесь необходимо отметить, что мы не берем в расчет прибытие в Пермь на самолете по той причине, что, во-первых, только виды транспорта с более долгой историей позволяют провести необходимую нам ретроспективу впечатлений, а во-вторых, аэропорты, вне зависимости от населенного пункта, всегда располагаются за его пределами, что не позволяет реагировать на город сразу по прибытии). Основной доминантой этой декорации является улица Ленина, практически вплотную подходящая к железнодорожному вокзалу Перми. Как следствие, любой общественный транспорт или автомобиль, отъезжий от него, неизменно попадает на образцово-показательно благоустроенную улицу, играющую главную роль в городской сценографии, что подтверждает в своей работе В.Л. Глазычев: «Ради чего была пробита и обустроена главная улица? Это театральная протянутая кулиса, устроенная ради шествия, и исключительно ради этого, потому что утилитарной потребности в главной улице нет никакой» [1]. Кроме того, еще одним смыслообразующим фактором является сама идея прокладывания в крупных городах главной магистрали к железнодорожному вокзалу: эта тенденция берет начало в середине XIX в. в Париже при префекте Ж. Османе, что объясняется интенсивным развитием железнодорожного строительства [2, с. 35]. Т. е. за визуальными эффектами, которые оставили у гостей и респондентов эмоциональный отпечаток, стоит продуманная система заимствований у городов с наиболее яркими сложившимися образами – Нью-Йорк и Париж.

Отдельного внимания в воспоминаниях и интервью удостоилась электрификация города. А.И. Фирсов писал о том, что ни в одном городе не видел такого количества фонарей на улицах и «вообще пермяки питают слабость к электричеству: они осветили им не только собор, но и все приходские церкви, а в домах поместили более чем необходимо электрических лампочек» [12, с. 264]. Особенno впечатляет это замечание с учетом того, что сделано оно в 1907 г. Как показали интервью, в 2024 г. пермяки все так же неравнодушны к электричеству: «*Мне кажется, у нас очень много подсветки: точечной, архитектурной, декоративной*»; «*...а в темное время суток подключаются различные малые архитектурные формы с декоративным освещением. Создается ощущение праздника*» (Инт. 9; Инт. 15). С учетом уже сформированного выше образа пустой и неживой Перми данные цитаты можно интерпретировать как целенаправленную попытку скорректировать застывшую повседневность за счет типично праздничных атрибутов.

Заключение

Можно сделать вывод, что образ Перми, конструируемый местными жителями, имеет значительное количество смысловых пересечений с тем образом, что формируется людьми, его посещающими, причем они (пересечения) актуальны на протяжении последних двух веков. Визуальный контраст между центральной и остальной частью города, характеризующийся степенью благоустройства, общей динамикой и пространственной организацией, созвучен эмоциональному диссонансу, возникающему при их непосредственном восприятии. В наибольшей степени на формирование эмоционального образа влияют ключевые городские доминанты – вид на город с Камы и центральная улица, – которые, выступая в качестве убедительных декораций, создают эффект ожидания «спектакля» в заданной системе кулис. Поскольку указанные доминанты располагаются на пересечении с транспортными артериями (р. Кама, железнодорожные пути), можно утверждать, что предчувствие спектакля как состояние сориентировано на Другого, т. е. в данном контексте на гостя города. По мере погружения гостя в городскую среду это ожидание не оправдывается, что усиливает ощущение пустоты, подкрепляемое специфической пространственной организацией, и вызывает разочарование. Однако, ввиду отсутствия в Перми бездушия большого города, по Г. Зиммелю, как составляющей психологической, и активной роли светового дизайна как составляющей визуальной, отрицательные эмоции сглаживаются, оставляя ощущениеечно сияющей декорации и оттого возможности спектакля в будущем. Вероятно, именно отзвуки образа готового к действию пространства отразились в концепции логотипа Пермь-300, работающего по словам авторов «по принципу контейнера» [10, с. 421].

Таким образом, в эмоциональном мире пермяков обнаруживается рецепция колониального сознания, свойственного столичным жителям. Человек пермский – человек разочарованный, и потому – человек, скучающий по воображаемому городу больших перспектив и открытых возможностей.

Библиографический список

1. Глазычев В.Л. Город на все времена (из личного архива) [Электронный ресурс]. URL: https://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (дата обращения: 08.12.2024).
2. Григорьева Е.А. «Османизация» Парижа и ее социальные последствия // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 1. С. 25–40. EDN: FYOZRD
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Журнал «Логос». 2002. № 3-4. С. 1–12.
4. История городской эспланады в фотографиях Государственного архива Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archive.perm.ru/about/news/the-history-of-the->

- city-the-esplanade-in-photos-of-the-state-archive-of-perm-region/?special_version=Y (дата обращения: 13.12.2024).
5. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с. DOI: 10.1126/science.301.5630.145a ISBN: 5-89357-145-2 EDN: QXGGCB
 6. Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. «Индивид глазеющий» в пространстве постсоветского города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 38–49. EDN: SCMUON
 7. Лысенко О.В. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований). Статья первая // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 1(105). С. 219–239. EDN: VVTVMF
 8. Мельчакова О.А. Город мой Пермь глазами знаменитостей и обывателей, предков и современников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=gorod-moj-perm-glazami-znamenitostej-i-obyvatelej-predkov-i-sovremennikov> (дата обращения: 14.12.2024).
 9. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ. Т.Н. Федоровской; под ред. С.А. Белановского [Электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/pages/rmerton-mfiske-pkendall-fokusirovannoe-intervyu> (дата обращения: 13.12.2024).
 10. Назукина М.В. Трехсотлетие Перми как элемент политики идентичности // Историческая этнология. 2024. № 3. С. 413–427. DOI: 10.22378/he.2024-9-3.413-427 EDN: KBICWG
 11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е. стереотип. М.: АЗЪ, 1997. 768 с.
 12. По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. 297 с.

Список интервью

Интервью 2: женщина, архитектор.

Интервью 3: мужчина, член Союза художников.

Интервью 5: мужчина, организатор культурных проектов.

Интервью 7: женщина, менеджер в сфере культуры.

Интервью 9: мужчина, доцент, сотрудник вуза.

Интервью 10: женщина, кандидат наук, сотрудник вуза.

Интервью 15: женщина, дизайнер.

Интервью 19: мужчина, солист Пермского театра оперы и балета.

Интервью 20: мужчина, кандидат наук, сотрудник вуза.